

Piotr Fast

Wyższa Szkoła Europejska
im. ks. Józefa Tischnera w Krakowie

РОССИЯ И РОССИЯНЕ В ЖУРНАЛЕ «ZESZYTY LITERACKIE»
В ЭМИГРАЦИОННЫЙ ПЕРИОД
(ОБЗОР)

Издающийся четыре раза в год литературный журнал «Zeszyty Literackie» («Литературные тетради») был основан в Париже в ответ на объявление в Польше военного положения в половине декабря 1982 года. Первый выпуск журнала появился в январе 1983 года (он датировался: «зима 1983»). До 1990 года издавался в эмиграции, хотя уже без препятствий распространялся в стране, но редакция переехала в Польшу только в 1992 году. Инициатором и главным редактором «Тетрадей» является публицист, редактор и издатель Барбара Торуньчик, которая с 1970-х годов была активным деятелем польских подпольных журналов и издательств.

С самого начала существования журнала в состав его редакции входили знаменитые польские литераторы, критики и публицисты. Среди них следует назвать имена таких известных в польской литературной среде творцов как Станислав Бараньчак (Stanisław Barańczak), Эва Беньковска (Ewa Bieńkowska), Эва Курылюк (Ewa Kuryluk), Адам Загаевски (Adam Zagajewski) и Марек Заганьчик (Marek Zagańczyk). Кроме поляков в редакции работали иностранцы — Петр Краль (Petr Král), Томас Венцлова (Tomas Venclova), Роберто Сальватори (Roberto Salvatori), и, начиная с третьего номера журнала (лето 1983), Иосиф Бродский, который неизменно был членом редакции до кончины в 1996 году. Среди постоянных сотрудников «Тетрадей» найдем таких видных поэтов, писателей, авторов эссе и публицистов как Тимоты Гартон Аш (Timothy Garton Ash), Юлия Гартвиг (Julia Hartwig), Клаудио Магрис (Claudio Magris), Яцек Возняковски (Jacek Woźniakowski)¹.

¹ Подробные сведения, касающиеся истории и сотрудников журнала, содержит интернетовский сайт http://www.zeszytyliterackie.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=49.

В период 1982–1988 в Париже появились 24 выпуска журнала, который в середине 80-х годов распространялся в эмиграционной среде (особенно во Франции и США) и польской неофициальной циркуляции, которую принялось у нас определять термином «*drugí obieg*», который называет нелегальную или в конце десятилетия полулегальную дистрибуцию, похожую в принципе на то, что в России называется самиздатом.

С самого начала существования журнала видна была основная программная линия этого издания. Оно посвящалось прежде всего популяризации польских эмиграционных писателей. Главными «героями» журнала были в эти годы Чеслав Милош, Казимеж Брандыс, Юзеф Чапски, Павел Герц, Ян Котт, Лешек Колаковски. Журнал серьезно работал также над присвоением читателю творчества тех, кто при жизни находился в пантеоне польской эмиграционной классики: Витольда Гомбровича, Ежи Стемповского, Александра Вата. Главной целью журнала являлось стремление к объединению ценностей официальной и эмиграционной ветвей польской культуры и литературы.

В центре внимания редакции находилась проблематика идей, связанных с Центральной Европой. В постоянной рубрике «Тетрадей», озаглавленной «*Europa Środką*» (Европа центра), публикуются самые выдающиеся литературные достижения нашей части мира. Среди авторов найдем там Иосифа Бродского, Милана Кундера, Томаса Венцлова и многих других писателей и интеллектуалов, чьи достижения определяют образ мышления, преобладающий в Центральной Европе этого времени.

Чаще всего в журнале появляется самый известный и — по всей вероятности — самый популярный поэт этого круга: нобелевский лауреат 1987 года Иосиф Бродский. Это, конечно, неслучайно. Во-первых, как уже было сказано, российский эмигрант почти с самого начала состоял в тесном кругу создателей журнала, во-вторых, повлияла на это его дружба и сотрудничество с одним из самых активных поэтов и переводчиков «Тетрадей» Станиславом Бараньчаком, который перевел огромное количество его стихотворений и эссе. Бродский публиковался в журнале уже с первого номера. Никто еще тогда не был в состоянии ни определить будущий творческий путь поэта, ни, тем более, предвидеть его всемирную карьеру, хотя, конечно, Бараньчак, готовивший первые сборники поэта в польском самиздате, понимал превосходность его поэзии и эссе, которые, благодаря поэтической книге *Урания* и книге эссе *Less than One*, изданным в 1987 году, привели его к Нобелевской премии.

Сегодня уже абсолютно неслучайным кажется факт, что поэт и его переводчик встретились в редакции журнала «Литературные тетради».

Бараньчак перевел несколько стихотворений Бродского: уже в первом номере журнала появились три стиха (причем один с польскими

мотивами — обширный *Полонез вариация*, написанный в 1982 году²). В следующем выпуске журнала найдем одно небольшое стихотворение, и в третьем, написанное поэтом по-английски, *A Martial Law Carol*, посвящающее Анджею Дравичу и Виктору Ворошильскому, подражание рождественской колядке, определяющее отношение Бродского к объявлению военного положения в Польше. Через два года Бараньчак публикует перевод посвященного Томасу Венцлова *Литовского дивертисмена* (№ 10, 1985) и еще, три года спустя, уже после Нобелевской премии, шесть стихотворений (№ 21, 1988).

Кроме поэтических произведений Бараньчак перевел для журнала эссе *To Please a Shadow*, в котором Бродский записывает свое отношение к творчеству Уистена Одена (1985, № 9). «Тетради» публикуют тоже эссе российского поэта в других переводах: *Ленинград* (пер. Анджея Метковского, 1983, № 4), *Why Milan Kundera Is Wrong about Dostoyevsky* (пер. Адама Загаевского, 1985, № 5), Ренаты Горчиньской (*Flight from Byzantium*, 1986, № 15), Анны Хусарской (*A Room and a Half*, 1987, № 19), Крыстыны Тарновской и Анджея Конарека (*Less than One*, 1988, № 23). Кроме стихотворений и эссе в журнале появилась нобелевская лекция поэта (в переводе Анджея Метковского, 1988, № 21), благодарственная речь, произнесенная в Королевской академии в Стокгольме (1988, № 22) и фрагменты интервью, данного Бродским его шведскому другу Бенгту Янгфельду (подготовил Збигнев Крушиньски, 1987, № 19). Присутствие Бродского в эмиграционных выпусках журнала завершается списком его публикаций и высказываний о нем в «Зешитах литерацких», напечатанном в 1988 году (№ 21). Следует еще вспомнить, что журнал был издателем отдельного сборника эссе российского поэта (*Śpiew wahałdła*, 1989 і 1996) — в сборнике этом помещаются избранные эссе из *Less than One*.

Кроме публикаций произведений самого поэта, в журнале появляются также высказывания о нем. Рядом с переводом фрагментов интервью Янгфельду в выпуске 22 (1988) появляется его интервью, данное Анне Гусарской. Бараньчаком в том же самом выпуске рецензируется главная книга эссе поэта (*Rytm i czas*). Печатаются тоже два обширных эссе о творчестве Бродского: аналитический комментарий Томаса Венцлова к посвященному ему *Литовскому дивертисменту* (1985, № 10) и вступление Чеслава Милоша к подготовленному Бараньчаком сборнику стихотворений *82 wiersze i poematy* (1988, № 22).

Интерес журнала к российскому нобелевскому лауреату был очевиден. Независимо от стандарта его творчества, часто высказываемой

² Опубликованный позже в четырехтомнике поэта с посвящением „Z.K.”, т.е. Зофии Капусциньсой: *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. III. Петербург 1994, с. 65.

любви к Польше и полякам, с одной стороны это определялось отношением к нему членов редакции, особенно Станислава Бараньчака, с другой, влияла на это близкая дружба Бродского с Чеславом Милошем и Томасом Венцлова. В 80-е годы появилось даже мнение, что все они (Милош, Бродский, Венцлова, Бараньчак), столь известные поэты, писатели, критики, эссеисты, составляют своеобразную «славянскую нобелевскую лигу» (несмотря на неславянское происхождение Томаса Венцлова). В этой связи следует ожидать нобелевских номиний для Венцлова и Бараньчака — что, кстати, не очень неправдоподобно.

Публикации Бродского и выступлений о нем — это только один из симптомов интереса журнала к творчеству российских эмигрантов. На страницах польского журнала появляются фамилии других известных писателей и поэтов русского зарубежья. Среди них стоит назвать известную поэтессу, диссидента и деятеля российского сопротивления, переводчика польской литературы, Натальи Горбаневской, которая была одной из семи человек, прославившихся участием в демонстрации против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. Кстати, в 2005 году она приняла польское гражданство.

Кроме Горбаневской в «Тетрадах» публикуется фрагмент книги Александра Солженицына *Бодался теленок с дубом* (под заглавием *Pisarz-konspirator*, 1984, № 8), отрывок книги Александра Зиновьева *Нашей юности полет* (*Wprowadzenie w donosologię* в переводе I.S. [Идалия Сапира], 1984, № 6), два фрагмента произведений Лидии Чуковской (*К смерти* — 1984, № 7) и описание генезиса поэмы *Реквием* Анны Ахматовой (из *Записок об Анне Ахматовой*, перев. Евгений Семашкевич, 1985, № 10). В восьмом выпуске журнала в 1984 году публикуется также рассказ Саши Соколова *Палисандрия* в переводе Александра Богуславского. «Литературные тетради» проявляют яркий интерес к творчеству российских поэтов и прозаиков, которые подвергались на родине сознательному забвению. Здесь следует назвать прежде всего имена Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и Владимира Набокова, которых произведения и комментарии к ним найдем на страницах журнала. В 1985 году, в самом начале перестройки, публикуются в переводе супругов Евгении Семашкевич и Северина Полляка *Реквием* — поэма, которая только что увидела свет в Советском Союзе и которая дождалась в Польше в последующие десятилетия почти двадцати переводов. В те же примерно годы (1984, 1986) печатаются стихи Марины Цветаевой (в переводе Бараньчака, 1984, № 7) и, в одном случае (стихотворение *Занавес*, 1986, № 13), с оригинальным эссе Томаса Венцлова.

Марина Цветаева появляется в журнале еще раз как автор и адресат писем: Ян Зелиньски (подписывающийся инициалами «J.Z.») публи-

кует с интересным комментарием переписку российской поэтессы с Борисом Пастернаком и Рейнером Рильке.

Произведения Владимира Набокова печатались в эмиграционный период в журнале четырежды³.

Кроме переводов (иногда сопровождаемых комментариями) в польском журнале появляются разного рода тексты, связанные с тематикой России и российской литературой. Известный польский поэт Ярослав Марек Рымкевич печатает стихотворение *Улица Мандельштама*⁴, отсылающее к творчеству великого русского стихотворца, а Станислав Бараньчак переводит небольшое поэтическое произведение Ричарда Лурье *Ода на смерть Юрия Андропова*⁵.

Если говорить о теме России в анализируемом журнале, то, рядом с переводами, центральное место занимают здесь серьезные эссе, связанные различными нитями с российской литературой, культурой и общественно-политической жизнью. В годы 1984–1988 появились четыре такого рода текста. Самый интересный и веский среди них — это статья Виктора Ворошильского, озаглавленная *Новый панмонголизм? (Nowy panmonglizm? — 1985, № 10)*, в которой автор анализирует идеологему панмонголизма и ее присутствие в истории России (отсылая к творчеству Владимира Соловьева, Александра Болка, Андрея Белого и др.). Ворошильски, на основе избранных произведений Олжаса Сулейменова, Чингиза Айтматова и других русскоязычных республиканских писателей, показывает новые проявления евроазиатской идеи и интерпретирует их как новое художественное достижение. Естественный сплав традиции великой русской литературы и мифологического мировоззрения представителей азиатских наций приводит, согласно мнению критика, к обогащению, обновлению не только пишущейся на русском языке литературы, но и вносит элементы нового универсального мышления, ведущего к натуральному расширению художественных форм и идей. Ворошильский считает, что старый панмонголизм был предвестием будущих черт русской культуры, новый же является их свершением, обогащающим, универсализующим и спиритуализирующим русский менталитет, соединяя то, что, парадоксально, христианское и европейское. Дикое слово

³ *Юбилей* в переводе Анджея Метковского (1985, № 11); фрагмент автобиографии *Другие берега (Tamte brzegi)*, 1986, № 13, в переводе Евгении Семашкевич; *Озеро, облако, замок (Jezioro, oblok, zamek)*, 1987, № 18, в переводе Эвы Красиньской) и фрагмент романа *Дар* озаглавленный *Czernyszewski* (1988, № 24, перев. Евгении Семашкевич).

⁴ См 1984, № 7. Поэт опубликовал позже сборник польских переводов стихов Мандельштама. См. об этом статью P. Fast, A. Świeściak: *Poezja Osipa Mandelsztama w przekładach Jarosława Marka Rymiewicza*. „Przegląd Rusycystyczny” 2010, nr 1, s. 52–66.

⁵ R. Lourie: *Oda na śmierć Jurija Andropowa*. (1985, № 9).

панмонголизма возвысило европейский элемент культуры и придало ей универсальности.

Кроме эссе Ворошильского, обращает на себя внимание статья Томаса Венцлова, в которой литовский интеллектуал анализирует феномен первого, как принялось его называть, российского диссидента, Андрея Курбского (*Zaprawa w bezużyteczności. Przypadek Andrieja Kurbskiego [Тренировка в бесполезности. Случай Андрея Курбского]* — № 23, лето 1988; перевод с английского Малгожаты Волянин; впервые напечатано в „New York Times Book Review”). Венцлова описывает личность царя Ивана Грозного и князя Курбского как пример отношений тирана и эмигранта, указывая судьбу автора известных писем как пример эмиграционного прозябания, но одновременно как эталон отчуждения. Статья литовского поэта появилась под влиянием утверждения, якобы переписка Курбского с царем Иваном является подделкой. Умозаключения автора статьи приводят к утверждению о типологической тождественности и универсальности любых идейных и экзистенциальных позиций эмигрантов.

Русскую тему ставит тоже в «Литературных тетрадах» один из самых известных деятелей польской демократической оппозиции 80-х годов, Адам Михник. Он предпринимает попытку описать одну из ключевых проблем классической русской литературы, которой является проблема лишнего человека, соотнося ее с определенными вопросами современности (*Rudin — człowiek zbyteczny*, № 7, лето 1984). Важным контекстом этого эссе является время его публикации, т.е. период военного положения в Польше в 80-е годы, и факт, что, по всей вероятности, статья писалась, когда автор был интернирован коммунистическими властями.

Михник проводит подробную характеристику Тургеневского героя, соотнося его с классической в истории русской литературы темой лишнего человека, описываемой хотя бы уже в известной статье Николая Добролюбова. Польский эссеист подчеркивает общественное значение судьбы Рудина, и таким образом проводит характеристику особенного клинча, в каком находились лучшие представители русской интеллигенции половины XIX столетия. Может быть слишком обширно и детально описывая героя первого романа Тургенева (историку русской литературы это описание покажется слишком уж рудиментарным, следует, однако, помнить, что статья печатается в литературно-критическом журнале, адресованном более широкой, непрофессиональной публике), Михник проводит определенные исторические параллели к ситуации польской интеллигенции этого времени и пытается показать, чему учит роман русского классика современных поляков, предпринимающих борьбу с угнетающей свободой личности системой.

На два года позже в «Литературных тетрадах» появляется последняя более обширная работа, посвященная русской литературе. Это статья Марека Новаковского озаглавленная *Скотный двор Гоголя (Folwark zwierzęcy Gogola)* (№ 15, лето 1986). Автор предпринимает здесь попытку описания *Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* из *Миргорода*, второго сборника Николая Васильевича Гоголя. В своем описании Новаковский детально передает определенные элементы произведения русского писателя (в частности характеристики персонажей) и стремится показать, что во всем творчестве автора *Мертвых душ* люди изображаются с применением приемов, характерных для изображения животных. Бестиарий Гоголя, по мнению Новаковского, определяет место этого писателя как предтечу того течения в мировой литературе, которого проявлением в XX веке оказалось произведение Джорджа Оруэлла.

Кроме упомянутых выше переводов, комментариев и эссе в журнале появилось несколько рецензий важных книг, посвященных русской теме. Четыре из них — о книге Саймона Карлинского о Цветаевой (*Jedyne tabu*, № 17, зима 1987), о книге *Marina Tsvetaeva: The Woman, Her World and Her Poetry*), прозе Бориса Пастернака (*Głos poezji*, № 19 лето 1987) о книге *The Voice of Prose: Early Prose and Autobiography* by Boris Pasternak. Ed. By Christopher Barnes. NY Grove Press 1986) и о книге переводов Андрея Вознесенского (*An Arrow in the Wall: Selected Poetry and Prose*. Ed. W.J. Smith, F.D. Reeve. NY 1987) — написаны Томасом Венцлова. Три остальных принадлежат Хенрику Северскому (*W gościnie u Mandelsztama*, № 7, лето 1984) — о книге Рышарда Пшибыльского *Wdzięczny gość Boga*, посвященной поэзии Осипа Манделштама), Войцеху Карпиньскому (*Czerwone koło*, № 8, осень 1984) о произведении Александра Солженицины и Адаму Михнику (о книге эссе Анджея Дравича *Spór o Rosję*, № 22, весна 1988). В первом номере 1998 появился еще отчет Бронислава Свидерского о симпозиуме российских писателей, который произошел в Дании в марте 1988 года.

* * *

Как видно, в журнале «Литературные тетради» в годы его эмиграционной активности появилось относительно много переводов русской литературы, комментариев к произведениям россиян (в виде непосредственных рефлексий о переводимых произведениях или в форме рецензий), а также эссе, которых идеи вытекали из анализа произведений русских писателей. Как можно синтетически охарактеризовать этот

материал? Не только специалисту по русской литературе в результате обзора всех опубликованных в «Литературных тетрадах» переводов и критических работ сразу бросается в глаза одна черта, объединяющая весь этот материал: в решениях редакторов журнала, показывающих польскому читателю русскую литературу, видно очень четкое представление о литературном каноне. Здесь публикуются исключительно произведения классиков литературы XX века (Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака) или эмиграционных писателей, которых деятельность ассоциируется польскому читателю с деятельностью оппозиционной по отношению к советскому официозу. Следует отметить, что в журнале, кроме авторов, непосредственно связанных с диссидентским движением (Александр Солженицин, Наталья Горбаневская, Александр Зиновьев, Лидия Чуковская и Саша Соколов), публикуются исключительно переводы абсолютных лидеров поэзии и прозы, созданной на русском языке в XX веке, т.е. Владимира Набокова и Иосифа Бродского. Причем безусловно первое место принадлежит Бродскому, которого переводы и высказывания на его тему чуть ли не превышают в количественном аспекте всех других публикаций переводов россиян. Это, конечно, приносит честь литературному вкусу членов редакции и доказывает, что они имели превосходное представление о преобладающих в литературной среде того времени ценностях.

Однако, из анализа «российского» материала, публикуемого в журнале, вытекает тоже одно менее утешительное умозаключение. А именно, кажется — и возможно, что такое мнение будет характеризовать всю литературную стратегию этого журнала — что кругозор пропагируемых «Литературными тетрадами» литературных и эстетических ценностей очень ограничен, если не радикально узок. Он связан исключительно с общепринятыми поэтиками и кругом идей, сопутствующих мировоззрению либеральной свободолобивой интеллигенции, сильно связанной с классическим представлением о литературных ценностях, с поэтикой и проблематикой, образованной в кругу классических если не классицистских традиций. Трудно упрекать редакцию в таком выборе, но можно ее, однако, упрекнуть в замкнутости на новые тенденции в русской литературе в стране и за рубежом, в отторжении новых явлений в поэтике и эстетике, которые стали уже в 80-е годы особенно четко видны в самиздате и тамиздате. На фоне этих явлений польский эмиграционный журнал может показаться отчасти отсталым и даже иератическим.

Следует, однако, отдать должное редакции журнала, указывая на факт, что как раз в последние годы перед польской трансформацией и в 80-е

годы творчество пропагируемых «Литературными тетрадами» писателей и приносимые их произведениями ценности почти абсолютно отсутствовали в официальной литературе, и деятельность этого журнала восполняла значащий пробел в польском литературном сознании.

Piotr Fast

ROSJA I ROSJANIE W POLSKIM CZASOPIŚMIE „ZESZYTY LITERACKIE”
W OKRESIE EMIGRACYJNYM
(PRZEGLĄD)

Streszczenie

Analiza materiałów związanych z Rosją i rosyjskimi pisarzami publikowanych w „Zeszytach Literackich” przed polską transformacją ustrojową (od roku 1982 do 1989), kiedy to autorami tłumaczonych utworów i bohaterami omówień byli głównie rosyjscy „klasycy XX wieku” (Achmatowa, Cwietajewa; Mandelsztam, Pasternak, Brodski, Nabokow, Sołżenicyn), doprowadza do ambiwalentnej oceny czasopisma. Było ono bowiem związane wyłącznie z propagowaniem niezwykle klasycznego, wręcz hieratycznego kręgu wartości estetycznych i ideowych, nie odzwierciedlało natomiast żadnych nowych i nowoczesnych tendencji w literaturze rosyjskiej. Równocześnie jednak skutecznie udostępniało polskiemu czytelnikowi wielu nieobecnych w szerokiej czytelniczej świadomości pisarzy i ich utwory.

Piotr Fast

RUSSIA AND RUSSIANS IN THE POLISH MAGAZINE „ZESZYTY LITERACKIE”
IN THE EMIGRATION PERIOD
(OVERVIEW)

Summary

An analysis of materials related to Russia and Russian writers published in “Zeszyty Literackie” („Literary Letters”) before the Polish political transformation (between 1982 and 1989), which covered primarily the Russian 20th century classics (Akmatova, Tsvetaeva, Mandelshtam, Pasternak, Brodsky, Nabokov, Solzhenitsyn), leads to an ambivalent assessment of the magazine. Its exclusive focus was the promotion of an extremely classical sphere of aesthetic and ideological values, without reflecting any of the new and modern tendencies in Russian literature. However, at the same time it was effective at making available to the Polish reader many of the authors and works that were not known by the general population of readers.